

ЗВЕЗДА В СОЗВЕЗДИИ РЕКТОРОВ

М.Х. Хасанов

Предыстория моего знакомства с Рашидом Шакировичем Нигматуллиным имела глубокое влияние на то, как потом сложилось наше деловое взаимодействие и мое личное отношение к этому редкому человеку.

Прямое отношение к тому, как я познакомился с ним, имел его предшественник – ректор КАИ Ю.К. Застела. Я тогда работал заведующим отделом науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС. В один прекрасный день приходит ко мне Юрий Кириллович и сообщает, что он принял решение уйти в отставку с поста ректора. Мало сказать, что это меня удивило – я был огорчен и несогласен. Состоялся нелегкий разговор.

Я очень высоко ценил Ю.К. Застелу. История его ректорства была уникальной: он не имел докторской степени, но очень умело управлял огромным научным и учебным организмом КАИ, в котором было много маститых докторов наук, профессоров. Надо еще помнить, что начало его деятельности в институте пришлось на труднейшие годы войны, когда КАИ занимал важную позицию в обороне страны. Тогда партийная организация авиационного института была самой крупной в Татарии, и Юрий Кириллович возглавлял ее, имея единственный среди вузов республики статус парторга ЦК КПСС. Можно себе представить, какой престиж был у КАИ в стране и какой вес имел Юрий Кириллович в верхах – в ЦК, в Министерстве обороны, в Министерстве образования.

Не менее значительной была его деятельность и на посту ректора КАИ. Мы с ним плодотворно работали. Это был один из достойнейших руководителей авиационного института. (Впрочем, и по истории КАИ, и по совместной деятельности я в КАИ слабых, посредственных ректоров не знаю).

И вот вдруг – намерение Юрия Кирилловича уйти с должности ректора. Не скрою, я был озадачен и расстроен. Конечно, моя должность заведующего отделом науки обкома партии позволяла мне принимать властные решения по принципиальным вопросам. От моей позиции, например, многое зависело в решении судебных высоких кадров, в частности, ректоров вузов. Но что тут прикажешь? Человек принял для себя окончательное решение, оставил заявление...

Я спросил Юрия Кирилловича, кого он рекомендует на свое место. Он назвал В.Е. Алемасова. Тогда я еще не знал его хорошо, пригласил для беседы. Тут выяснилось, что Вячеслав Евгеньевич категорически против своего ректорства, мотивируя отказ тем, что он ученый, а не организатор. «Это не мое амплуа», – сказал он искренне и убежденно. И вновь – что делать? Приказывать нельзя – не военное время, шла уже вторая половина 60-х годов. На вопрос «Кого вы рекомендуете?» В.Е. Алемасов ответил только, что в КАИ есть солидные ученые.

Тогда я вызвал куратора по учебным заведениям и дал задание: положить мне на стол пять личных дел кандидатов на пост ректора КАИ. Было лишь два неизменных условия – докторская степень и возраст (до 50 лет).

Принесли пять папок из отдела кадров КАИ. По разным критериям были отложены в сторону четыре.

Итак, передо мной – личное дело профессора Р.Ш. Нигматуллина.

Почитал биографию, полистал документы... Претендент на пост ректора одного из ведущих вузов страны был из достойной среды татарских интеллигентов. Это была учительская семья, где почитались культура, воспитание, внимательное отношение друг к другу.

Были понятны и истоки активной общественной позиции будущего ректора. Из архивных материалов я знал, что отец Рашида Шакировича в конце 20-х годов был участником акции протеста против перевода республиканской графики на латынь. Тогда это решалось в первый раз и, как и сейчас, очень бурно. Решение было принято, но были и не согласные с таким решением властных органов люди, в основном – представители творческой и, частично, научной интеллигенции. Они отправили свой протест, известный как «Письмо 82-х». Отец Нигматуллина был среди этих «подписантов» – так их тогда называли.

Я убежден, что основы здоровой творческой личности закладываются прежде всего в семье. Очень важна также хорошая школа – Р.Ш. Нигматуллин закончил казанскую школу № 2, бывшую вторую гимназию, известную сильными педагогическими традициями. Семья, школа, хороший вуз, а в нем еще удачный научный руководитель – все это, как правило, определяет жизненный путь человека, обеспечивает все самое важное в его жизни.

... И вот – первая встреча с Рашидом Шакировичем. Молодой доктор наук! По тем временам это было редкостью не только для КАИ. Это теперь молодость докторов наук никого не удивляет. А тогда диплом доктора, особенно молодого, воспринимался гораздо весомее.

Он мне сразу понравился энергичной реакцией на все вопросы. Сразу после беседы сказал: «Надо подумать». Разумеется, решение не могло быть легким. В Казани было два вуза, по всем масштабам, по научной значимости стоящих рядом, – КГУ и КАИ. Если же иметь в виду оборонное значение, то КАИ был первым не только в Татарстане, но и в России – вместе с Московским авиационным институтом. Многие профессора из КАИ переходили в МАИ – это был один уровень котирования.

Наконец решение было принято. Нигматуллин дал согласие. Я тотчас представил его Ф.А. Табееву – первому секретарю обкома партии. Табеев умел как-то быстро выявлять потенциальные возможности человека. Он и его предшественник С.Д. Игнатьев, присланный в Татарстан из Москвы и три года проработавший здесь в качестве первого секретаря обкома, оставили после себя яркий след. Они изменили все подходы к решению вопросов, многие методы работы. Менялась жизнь, менялись и руководители. Люди выражают характер своего времени, но и их собственные характеры выражают немало...

Нигматуллин Табееву понравился. Он сразу разглядел в молодом ученом будущего сильного руководителя и впоследствии всячески его во многом поддерживал.

Так началось наше сотрудничество.

Р.Ш. Нигматуллин принял эстафету у Ю.К. Застелы, очень крепкого ректора. А до него были Г.В. Каменков, С.В. Румянцев, которого из КАИ «взяли» в заместители Министра образования СССР, а потом – в ректоры Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Это были заметные, солидные люди. На их фоне нелегко было браться управлять таким сложным организмом – авиационным институтом.

«Капитальным», на мой взгляд, в ректорстве Нигматуллина было то, что он сохранил на высоком уровне механизмы управления и традиции, созданные до него. Не снизил планку – это само по себе уже было значительно.

Что касается научных достижений, то ректор КАИ – молодой доктор наук – очень поддерживал институтскую науку, рассчитывая не только на бюджетные ассигнования, но и на помощь отраслевых министерств, производителей. Будучи в числе ведущих профессоров своей специальности, он являлся председателем нескольких ученых советов. Ученый широкого плана, он, говоря трафаретно, умело сочетал организационную, научную и учебную деятельность.

Удавалась ему и кадровая политика – у него был зоркий глаз в отношении распознавания людей, особенно в науке.

При неплохой в целом насыщенности авиационного института докторами наук Рашид Шакирович тем не менее старался привлечь новые свежие научные силы по отдельным направлениям. Часто советовался со мной, если некоторые специальности не были, как ему казалось, укомплектованы должным образом. Искал ученых, искал имена. Так, однажды он представил как своего будущего перспективного сотрудника молодого тогда сибирского ученого Г.Ю. Даутова. Он стал профессором в КАИ, а теперь и членом-корреспондентом нашей Академии наук.

Так было не раз. Рашид Шакирович редко ошибался в людях. Был еще случай, когда он привел ко мне познакомиться ученого (вновь из Сибири) по фамилии Ибрагимов. Рекомендовал его как весьма перспективного. Мы предлагали ему остаться в КАИ или любом другом вузе, но он отказался, объясняя это тем, что в Казани нет академии наук. Уехал в Алма-Ату. А через какое-то время мы узнаем, что Ибрагимов стал первым вице-президентом Казахской Академии наук: то есть Нигматуллин привел познакомиться в отдел науки не просто знакомого, не посредственного человека, а несомненно талантливый.

Рашид Шакирович всегда очень заботливо пестовал своих учеников, выращивая из них настоящих ученых.

Он был человеком очень доброжелательным и радушным. Умел слушать людей, а этой важной чертой не всякий руководитель, к сожалению, обладает. Находясь на высоком посту и всегда имея свое мнение обо всем, он, однако, не был амбициозен. Именно сочетание всех этих качеств привело к тому, что он стал Председателем Верховного Совета ТАССР.

Было это так. Ко мне обратился заведующий отделом организационно-партийной работы обкома А.В. Гнеденков, отвечающий за формирование партийных структур, за выборы, за расстановку кадров и т.д. Он попросил помочь ему подобрать кандидатуру на должность Председателя Верховного Совета. В сегодняшнем понимании – это должность спикера палаты. Только теперь спикер – постоянно действующее лицо, а тогда он выполнял свои обязанности в основном во время проведения сессий.

На должность спикера я посоветовал Гнеденкову пригласить профессора Р.Ш. Нигматуллина. Помимо необходимых для этой роли человеческих качеств он еще прекрасно владел двумя языками, что было желательно, вернее, даже обязательно для спикера: ведь, по конституции, депутаты могли выступать на русском и на татарском языке. А ведущий, спикер, должен был, разумеется, понимать оба языка, быстро реагируя по ходу дела. Рашид Шакирович справлялся с этой ролью блестяще.

Ему органично было свойственно то, что называют активной жизненной позицией. На всех совещаниях по науке в обкоме партии, членом которого он был, Рашид Шакирович всегда свежо вникал в суть происходящего, влияя на процесс обсуждения того или иного

вопроса. Он имел несомненный общественный вес и в партийно-хозяйственных вопросах, и в научных. С его мнением все считались.

Надо сказать, что обойма таких крупных влиятельных фигур была не очень обширна. Из ректоров – пожалуй, только М.Т. Нужин, П.А. Кирпичников и Р.Ш. Нигматуллин. У каждого были свои особенности, и каждый по праву занимал свое место. Это были сильные личности. И хотя им достались времена гораздо менее тяжелые, чем, скажем, ректору КГУ Г.Х. Камаю, которого прямо из рабочего кабинета увезли в камеру на Черном озере, на их долю тоже выпали свои трудности, другого рода.

Это было поколение ректоров, которые укрупняли свои вузы. Рождались новые факультеты, расширялся круг специальностей, решались непростые идеологические задачи, строились новые здания.

Помню, как мы вместе осматривали территорию каких-то складов, выбирая место для строительства нового здания КАИ. Теперь там стоит седьмое здание, а начинал его строить Р.Ш. Нигматуллин.

Он всячески поддерживал традиции авиационного института. Они всегда там были крепкие, свои собственные. Много было в КАИ талантливых людей, разбирающихся не только в самолетах, вертолетах и моторах. Постоянно активная научно-педагогическая и общественная атмосфера, царившая в КАИ, безусловно, способствовала дальнейшему становлению и развитию личности такого изначально значительного человека, каким был Рашид Шакирович.

Он оставил яркий след не только в науке и не только в КАИ, но и в организации и развитии вузов республики, в общественной жизни Татарстана.

И в личном плане он был глубоко порядочным человеком. Всегда объективным. Конечно, стопроцентно объективных людей нет, всегда накладываются личностные оценки. Но все-таки, когда мы говорим: «Это человек объективный», мы имеем в виду, что он не допускает приблизительности в оценках, не живет по принципу «нравится – не нравится».

Известно, что чем выше должность у человека, тем труднее ему сохранять нормальные человеческие качества. Однако порядочность Рашида Шакировича никак не умалялась его высокими должностями и званиями.

Последние годы его жизни, по-видимому, были непростыми для него. Мне кажется, он трудно адаптировался к тому, что ушел с поста ректора. Но продолжалась его научная карьера, его работа на кафедре, с учениками.

Мы жили в одном доме. И часто вечерами я видел его в сквере возле дома, мерно прогуливающегося с кем-нибудь из учеников: они обсуждали свои проблемы.

Мы часто общались по-дружески, семейно. Я хорошо знал этот дом, его сыновей. Его приветливая жена Харият Хафизовна, прекрасная хозяйка, была ему во всем хорошим помощником. Кстати, примечателен такой факт. Ее отец – министр юстиции и прокурор – был репрессирован, когда она познакомилась с Рашидом Шакировичем. Однако Нигматуллина это не напугало, не смутило. Женится на дочери «врага народа». По-моему, этот факт о многом говорит в отношении его человеческих качеств.

В сумме все перечисленные качества и черты Р.Ш. Нигматуллина свидетельствуют о том, что рядом с нами жил яркий человек.

Созвездие выдающихся казанских ректоров XX столетия делало погоду в высшем образовании России и бывшего Советского Союза. Ректор КАИ Рашид Шакирович Нигматуллин был одной из этих звезд.

К сожалению, Рашид Шакирович не дожил до дней создания Академии наук Республики Татарстан. Нет сомнения, что он был бы одним из наиболее авторитетных членов нашей академии.